

Анджей Вайда: «Я боюсь легких ответов на трудные вопросы»

«Бесы» в Москве обязательно выполнят свою политическую задачу

Независимая - 2004 - 5 марта - с. 12.

Григорий Заславский

«Бесы» – история злободневная. Сегодня – для всего мира и для Москвы. В Москве сегодня Анджей Вайда и его супруга Кристина Захватович-Вайда для тех, кто их знает (а знают их все, кто любит кино или театр), – дорогие гости. В «Современнике» они работают над «Бесами». Премьера назначена на 16 марта. Вайда – режиссер-постановщик (для своего спектакля он взял переработанную им инсценировку Альбера Камю), Кристина – художник будущего спектакля. В ролях занята половина современниковской труппы.

– **П**ан Анджей! Если я правильно понимаю, в какой-то момент вы решили уйти из театра и больше уже не возвращаться. Но сейчас на приглашение Галины Волчек откликнулись. Если бы Волчек не согласилась на роль в вашем спектакле, вы бы приняли ее приглашение?

– Мне, безусловно, приятно, что Галина согласилась играть в этом спектакле, но все же главной причиной моего приезда в «Современник» стало желание услышать слово великого Достоевского по-русски. Для меня это будет впервые. Да, мне очень хотелось увидеть Галину Волчек на сцене, поскольку я помню ее молодой, темпераментной, сильной и яркой актрисой. Но я понимаю ее опасения. Во-первых, она ведет большой театр, у нее очень много обязанностей. Во-вторых, она давно не выходила на сцену, но самое главное – ее сегодняшнее здоровье отличается от того, которым она могла похвастаться когда-то, когда я видел ее на сцене каждый вечер. Я продолжаю надеяться, что она исполнит мою просьбу.
– **Надо ли знать расклад политических сил в той стране,**

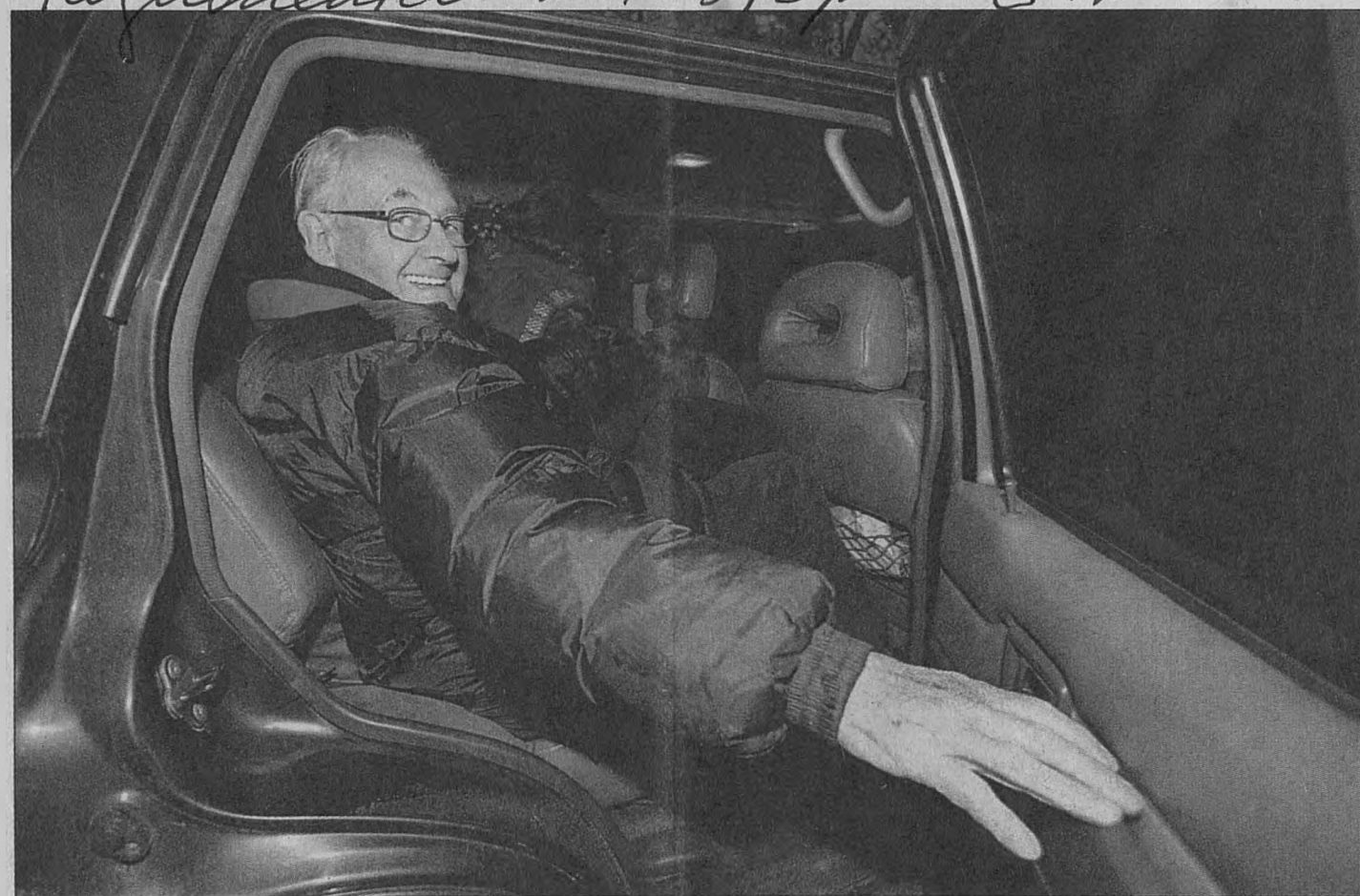
где вы работаете, чтобы «Бесы» получились понятными?

– Я думаю, что «Бесы» в этом смысле выполняют свою задачу в Москве. Уже после первых репетиций стало понятно, что этот текст не будет безразличен зрителям. Идеи, которые представляет Шигелев, интриги, которые закручивает Верховенский, Россия пережила во времена сталинизма. Лозунги, требующие всех уравнивать, сумасшествие теоретического марксизма, все было и разворачивалось на глазах старшего поколения зрителей и живет в сознании молодых. Актеры, когда произносят свои реплики, замечают, что эти тексты находятся в очень резкой конфронтации с прошлым.
– **Пытаетесь ли вы понять, что сейчас происходит в России, понять горожан, которые со страхом входят в метро и т.д.?**

– Конечно, я это понимаю. Но еще больше я опасаясь легких ответов на трудные вопросы. Еще не рассеялся дым от взрыва в метро, а уже было известно, кто это сделал. Слишком рано, по-моему. Политики могут дать свою трактовку, но факты может и должен определить независимый суд. Так должно быть в демократическом государстве. А вдруг окажется, что все это устроил сумасшедший Кириллов из «Бесов» Достоевского? Вряд ли стоит все заведомо знать и заранее показывать пальцем. Могут быть большие неожиданности. Демократия – система ужасно неудобная. Для всех. Но

Персонажам Достоевского нужно позволить высказаться

из всех существующих она дает наибольшее ощущение безопасности и справедливости каждому отдельному лицу. Я понимаю, что когда обществу что-то угрожает, то оно ищет кого-то,

Вайда внимательно смотрит на московскую жизнь.

Фото Артема Житенева (НГ-фото)

кто своим авторитетом и своими убедительными аргументами его успокоит, но это – нехороший, неправильный путь.

Кристина Захватович: Еще один трагический ответ на вопрос об актуальности Достоевского – убийство таджикской девочки в Петербурге. Я видела фотографии тех фашистов, ко-

– Думаю, что есть, но они, может быть, не выражаются в такой опасной российской форме. У нас нет таких терактов, но группы такие есть сегодня везде, в том числе и в странах бесспорно демократических. Дело только в том, чтобы эти группы не могли представлять общественное мнение. Только самих себя.

Кристина Захватович: В Польше сегодня действуют очень сильные организации, одна – молодежная, другая – постарше, в которую вхожу и я, они борются против расизма, фашизма и любой нетерпимости. Акции, которые мы организуем, требуют убрать расизм со стадионов, нас поддерживают и болельщики, и футболисты.

– **Вы верите, что искусство и даже один спектакль могут как-то изменить человека?**

– Я в это глубоко верю.

– **Изменить надолго или на какое-то время?**

– Все зависит от того, много ли художников стремится в ту же сторону. Польское кино, которое называется польской киношколой, создало так называемого антигероя. Часть зрителей критиковала нас, полагая, что режиссеры уменьшают героизм, который им казался бесспорным. Но мне кажется, что как раз такие фильмы и книги позволили появиться в Польше «Круглому столу», где прежняя коммунистическая власть и оппозиция сумели сесть и говорить вместе о том, что полезно обществу. «Круглый стол» был чем-то особенным в польской истории. По идее, должно было победить безрассудство, а поляки, можно сказать, в безнадежной обстановке сумели найти

общий язык. Мне бы очень хотелось верить, и я верю, что это и мы, люди кино, способствовали этому, показывая, к примеру, такой фильм, как «Канал». Те молодые люди были чудесными героями. Кристина принимала участие в Варшавском восстании, когда ей было 14 лет, но это не она, не они отвечают за то, что произошло, у них не было и не могло быть шансов на победу. Отвечают те, кто спровоцировал это восстание, кто вывел на улицу людей, обреченных на поражение.

– **Когда вы приехали для работы в «Современнике», Галина Волчек с самого начала сориентировала вас только на труппу своего театра?**

– Мы увидели много спектаклей в «Современнике» и поняли, что в театре хватает актеров для «Бесов». Кроме того я считаю, что

для труппы, которая долго играет вместе, нехорошо, когда кто-то приходит извне, это даже опасно.

– **Когда говорят о Достоевском, часто останавливаются на мелодраматизме его сочинений. В «Бесах» его, пожалуй, меньше всего. В чем, по-вашему, вообще драматизм Достоевского?**

– Что важно, когда делаешь инсценировку романа: есть ли там диалоги? Если пишешь диалоги заново, получается какая-то пьеса «на тему». Сила Достоевского в театре в том, что он сам написал прямую речь своих героев, наши персонажи говорят на его языке и его словами. Далее: каждый персонаж в «Бесах» к чему-то стремится, чего-то очень резко хочет. Ставрогин – саморазрушения, можно так сказать, Петр Верховенский – хочет создать группу, которой он сможет управлять, то есть жаждет власти, Кириллов придумал, что если он убьет себя, то этим докажет, что Бога нет. Персонажи не только драматичны, они еще и друг с другом очень сильно и драматично пересекаются. Я думаю, что Камю, написавший инсценировку, с которой я начинал свою работу над «Бесами» в Краковском Старом театре, это очень хорошо понимал. Он отказался от бытовых сцен, которые часто в постановках по Достоевскому появляются, и последовательно провел рассказ о механизме образования террористической организации. Из кого она создается? Из нормальных людей.

Кристина Захватович: В них нет кровожадности. Они только думают, что их нынешняя жизнь нехороша и неправильна. Беседуют, спорят, им кажется, что тем и кончится. Потом оказывается, что кто-то, кто умеет управлять людьми, как-то незаметно так сделал, что все они уже совершили шаг, который уже не позволяет повернуть назад, к разговорам и спору.

– Особенно это хорошо получается в полицейском государстве, каким была Россия во времена Достоевского. Надо помнить, что он находился под надзором полиции и знал, о чем пишет. И это драматично. Может быть, есть еще один ход, который является уже делом моих рук в этой инсценировке: это не пьеса, разделенная на три или пять актов, это пьеса, состоящая из 24 сцен, стремительных, резких.

– **В какой-то момент вы обратились к Камю как к посреднику, потом отказались. Чего вам в нем не хватило?**

– Камю написал инсценировку, в которой сцены были жестко привязаны к месту действия, а мне кажется, что обстановка, та или другая квартира должны быть только обозначены. А самое главное – в том, что в словах и за словами этих персонажей. Если им предстоит много о чем сказать во время спектакля, то надо, чтобы все остальное не отнимало времени. У Достоевского в начале «Бесов» – цитата из Пушкина, второй эпиграф из Евангелия. Пушкин описывает страшную ночь, где бесы гонятся за людьми, которые едут в санях. В Евангелии Иисус изгоняет злых духов из человека, бесы вселяются в стадо свиней, и бег свиней, когда в них уже поселились бесы, запыхавшийся ритм их бега и будет ритмом нашего спектакля.

– **Это – уже картина для кино.**

– К сожалению, «Бесы» в кино так хорошо не получаются. Когда делаешь эти картинки, больше получается достоевщины, чем Достоевского. Достоевский появляется тогда – и потому он так хорош для театра, – когда ему позволяешь много диалогов. Мне кажется, это – ключ к Достоевскому, персонажам его нужно позволить высказаться. Это самое главное, и это – главный элемент театра. В кино остаются картинки, в которых нет той выразительности и силы. ■